

© 2026. Т. Г. Дубинина

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

«Папеньки», «папаши» и отцы в прозе А. П. Чехова

Аннотация: В статье исследованы разные репрезентации образа отца в прозаических произведениях А. П. Чехова 1880 – начала 1890-х гг. Автор работы доказывает, что типическая ситуация «отцы и дети» имеет в творчестве писателя большое количество вариантов, что объясняется особенностями его художественной антропологии, предполагающей неповторимость человеческой натуры. В статье выявлены три основных типа «отцов»: иронически изображенный «папенька», тиран и любящий родитель. При вариативности темы отцовства у Чехова, в 1886 г. в ней намечается явный поворот от комического изображения образа отца к его усложнению. Биографический контекст становится важным инструментом для понимания природы подобных изменений. Важна динамика оценок, которые дает Чехов своему отцу — П. Е. Чехову. Также в это время писатель становится фактическим главой семейства, принимая на себя обязанности материального обеспечения родных. В поэтике прозаических произведений, связанных с темой отцовства, особую роль играют интертекстуальные связи. Важнейшим для Чехова оказывается наследие И. С. Тургенева — от «Записок охотника» до романов «Накануне» и «Отцы и дети».

Ключевые слова: А. П. Чехов, образ отца, отцы и дети, художественная антропология, художественная трансформация, биографический контекст

Информация об авторе: Татьяна Геннадьевна Дубинина, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-0164>

E-mail: dubinina-tatyana@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 14.08.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 16.10.2025

Дата публикации статьи: 25.03.2026

Для цитирования: Дубинина Т. Г. «Папеньки», «папаши» и отцы в прозе А. П. Чехова // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 1. С. 78–95. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-1-78-95>



This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 8, no. 1, 2026, pp. 78–95. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 1, 2026, pp. 78–95. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Tatiana G. Dubinina

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Dads, Papas, and Fathers in A. P. Chekhov's Prose

Abstract: The article examines different representations of the father's image in Anton Chekhov's prose works from the 1880s to the early 1890s. The author of the article proves that the typical situation of "fathers and children" has a large number of variants in the writer's work, which can be explained by the peculiarities of his artistic anthropology, which presupposes the uniqueness of human nature. The article identifies three main types of "fathers" — the ironically depicted "daddy," the tyrant, and the loving parent. Despite the variability of Chekhov's theme of fatherhood, in 1886, it marked a clear turn from the comic depiction of the father's image to its complication. The biographical context becomes an important tool for understanding the nature of such changes. The dynamics of Chekhov's assessments of his father, P. E. Chekhov, are important. Also at this time, the writer becomes the de facto head of the family, assuming the responsibilities of providing material support to relatives. Intertextual connections play a special role in the poetics of prose works related to the theme of fatherhood. The most important for Chekhov is the legacy of I. S. Turgenev, from "Notes of a Hunter" to the novels "The Day Before" and "Fathers and Children."

Keywords: A. P. Chekhov, the image of the father, fathers and sons, artistic anthropology, artistic transformation, biographical context

Information about the author: Tatiana G. Dubinina, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2546-0164>

E-mail: dubinina-tatyana@yandex.ru

Received: August 14, 2025

Approved after reviewing: October 16, 2025

Published: March 25, 2026

For citation: Dubinina T. G. "Dads, Papas and Fathers in A. P. Chekhov's Prose." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 8, no. 1, 2026, pp. 78–95. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-1-78-95>

В творческом наследии А. П. Чехова тема семьи занимает особое место. Исследователи обращаются к анализу понятия «семья» в произведениях писателя [Гамбург: 203–205; Кеклюдже: 68–75], образам детей [Касатикова 52–54], чеховским взглядам на воспитание [Бушканец: 162–168]. Образам родителей, воплощенным в прозе писателя, посвящено не так много работ. Это тем более несправедливо, что творчество Чехова дает богатый материал для исследования. Начиная с самых ранних рассказов на протяжении всего творческого пути Чехов создал множество персонажей-родителей. И если образы матери [Собенников: 82–95] и отца [Димитров: 225–233; Одесская: 144–156] в драматургии становились предметом интереса современных чеховедов, то работ, посвященных соответствующим образам в прозаических произведениях писателя почти нет. Опубликованная в 2024 г. статья Л. М. Бурнашевой [Бурнашева: 52–54] посвящена, скорее, дидактическим вопросам. Между тем образ отца можно назвать одним из важнейших в творчестве Чехова. Начиная с первых юмористических рассказов писатель рисует большое количество разных отцов: от семейных тиранов до горячо любящих родителей. Доказательством важности темы отцовства для Чехова можно считать и частотность заглавий рассказов, семантически восходящих к слову «отец»: «Папаша» (1880), «Опекун» (1883), «Отец семейства» (1885), «Жених и папенька» (1885), «Отец» (1887).

Задача данной статьи состоит в анализе трансформации темы отцовства в прозе Чехова 1880 – начала 1890-х гг., выявлении взаимосвязей между биографией и художественным осмыслением писателем проблемы детско-родительских отношений, определении литературных источников изображения ситуации «отцы и дети» в прозаических произведениях писателя.

В творчестве Чехова тема отцовства решена многопланово. В ранних произведениях писателя преобладают два типа отцов: в рассказах «Папаша» (1880), «Опекун» (1883), «Жених и папенька» (1885) образ

подан иронически, а герои рассказов «Барыня» (1882), «О драме» (1884) «Отец семейства» (1885) — семейные тираны. С 1886 г. в творчестве Чехова намечается поворот в осмыслении темы отцовства. Любовь и забота противопоставляются воспитанию и дидактике, а родительское чувство оказывается объединяющим для всех героев писателя, независимо от их душевного и интеллектуального развития. В дальнейшем мотив родительской любви, ее важности прежде всего для самого родителя будет усиливаться. Так, в «Рассказе неизвестного человека» (1892) любовь главного героя к воспитаннице станет важнейшей составляющей его внутренней жизни.

Биографический контекст и эпистолярное наследие становятся важными инструментами для понимания природы трансформации темы детско-родительских отношений в рассказах и повестях Чехова. Исследователи биографии писателя дают личности П. Е. Чехова скорее негативные оценки [Рейфильд]. Общим местом стали слова писателя о детстве, которого не было, и о «маленьких каторжниках». Сохранившиеся письма Чехова-старшего к сыновьям дают богатый материал для исследования, позволяют воссоздать психологический портрет главы семейства [Кондрашова, Шельдешова: 153–157].

Отношение писателя к отцу было сложным — от иронии и критики до сочувствия и понимания. Так, в письме двоюродному брату в 1877 г. Чехов пишет: «Увидишь моего папашу, так скажи ему, что я получил его дорогое письмо и очень ему благодарен. Отец и мать единственные для меня люди на всем земном шаре, для которых я ничего никогда не пожалею» [Чехов П. 1: 25].

Переписка с братом Ал. П. Чеховым пестрит ироническими замечаниями об отце. Ирония нашла свое воплощение и в травестировании мелеховского дневника П. Е. Чехова [Соболев], и в творчестве — о пародировании эпистолярного стиля главы семейства в «Письме к ученому соседу» пишет Н. А. Роскина [Роскина: 94–109]. В 1883 г. Чехов пишет брату Александру об отце с уважением: «Он (П. Е. Чехов — Т. Д.) такой же кремень, как раскольники, ничем не хуже, и не сдвинешь ты его с места. Это его, пожалуй, сила» [Чехов П. 1: 56]. В 1895 г. в письме А. В. Суворину П. Е. Чехов охарактеризован иначе — как человек «среднего калибра, слабого полета» [Чехов П. 6: 18].

Внезапная смерть отца произвела на Чехова сильное впечатление. Обычно довольно сдержанный в проявлении чувств, тут он пишет

о своем удрученном состоянии множеству корреспондентов — кроме близких ему сестры, брата и А. С. Суворина, о тяжести потери он пишет также О. М. Меньшикову, Л. А. Авиловой, Л. А. Мизиновой. В нескольких письмах настойчиво звучит мысль, что жизнь со смертью отца неовозвратно поменялась: «Выскочила главная шестерня из мелиховского механизма» [Чехов П. 7: 298]. «У меня в октябре умер отец, и после этого усадьба, в которой я жил, потеряла для меня всякую прелесть» [Чехов П. 7: 301]. Сложность отношения к родителю вполне могла способствовать трансформации темы отцовства в прозе Чехова. Поворот в осмыслении ситуации «отцы и дети» середины 1880-х гг. также объясняется биографически. К этому времени писатель уже взял на себя заботы по материальному обеспечению семьи, фактически став ее главой. В это же время происходят внутренние изменения — Чехов многое переосмысливает в природе человека. По точному определению Г. П. Бердникова, теперь он «стремится даже в темной, неразвитой личности увидеть признаки сложной духовной жизни» [Бердников: 30]. Понимание природы сложного, часто неприятного характера отца, наблюдение за тем, как меняется глава семьи и его отношение к домашним, снисходительное отношение к его слабостям могло сыграть здесь не последнюю роль.

Многоплановость художественного воплощения темы отцовства объясняется также особенностями поэтики Чехова, чуждой типов, классификаций, схем. По верному замечанию В. Б. Катаева [Катаев], писатель переосмысливает классические типы и ситуации, каждый раз придавая им глубоко индивидуальное звучание.

Ироническое осмысление темы отцовства характерно для раннего творчества Чехова. Ирония заложена уже в заглавиях: «Папаша», «Жених и папенька». Это отцы семейств, по-своему хлопотущие о благополучии чад. Так, герой рассказа «Папаша» по настоянию супруги с помощью взятки и «вежливенького наступления на горло» [Чехов С. 1: 33] пытается добыть заветную отметку «удовлетворительно» для сына. Комизм ситуации усугубляется тем, что герой поначалу вовсе не испытывает желания хлопотать. Только после семейной сцены он отправился «пожалеть единственного сына» [Чехов С. 1: 29].

Если речь идет об отцах, имеющих дочерей, то их главная забота — как можно скорее выдать тех замуж, часто путем обмана. Будущее семейное счастье детей их совершенно не волнует.

В рассказе «Перед свадьбой» (1880) Чехов изобразил семейство накануне бракосочетания дочери с господином Назарьевым. Девушка Подзатылкина перед свадьбой выслушивает наставления отца: «Он (жених — Т. Д.) будет любить тебя за приданое твое. Ведь мы даем за тобой <...> не копейку какую-нибудь, а ровно тысячу рублей!» [Чехов С. 1: 48]. Позже выясняется, что жених считает себя обиженным, ведь господин Подзатылкин представился надворным советником, будучи «всего только» титулярным, и обещал за дочь не тысячу, а полторы тысячи рублей.

Папенька семи дочерей, господин Кондрашкин («Жених и папенька»), любой ценой старается устроить счастье дочери Настеньки — он настаивает на предложении от Милкина даже после признаний того в бедности, запойном пьянстве и нахождении под судом. Доведенный до отчаяния «жених» пытается симулировать сумасшествие, но любящий родитель требует предоставить медицинское свидетельство. Видимо, из этого поединка папенька вышел победителем: в свидетельстве Милкина отказывают.

Обратная ситуация происходит в рассказе «Опекун»: генерал Шмыгалов, растративший шестнадцать тысяч приданого племянницы, решительно отказывает герою, «мальчишке» и «нищему», как недостойному руки Варвары Максимовны. Опекун отчаянно разыгрывает отеческую любовь и заботу. Для изображения «благородного» возмущения генерала писатель прибегает к аллюзии на гоголевского «Ревизора»: «Чего же вы кипятитесь, комод ломаете?» [Чехов С. 2: 260]. Обещание жениха не поднимать скандала и не отдавать Шмыгалова под суд смягчают сердце генерала и заставляют согласиться на свадьбу. На радостях он предлагает «стебануть» [Чехов С. 2: 261] шампанского — комизм подчеркивается речевыми характеристиками Шмыгалова, который в начале рассказа кипел благородным негодованием.

Рассказы, посвященные теме замужества взрослых дочерей, оказываются объединены мотивом обмана, но место его в структуре сюжета меняется. Если родные отцы стремятся обмануть женихов, чтобы свадьба скорее состоялась, то опекун идет на обман, надеясь не допустить бракосочетания. Однако основополагающей темой для всех «папенок» остаются деньги. Объединяющим элементом в структуре сюжета рассказов также будет словесный поединок отцов с их оппонентами — учителем или женихами. Он может быть выражен прямым

диалогом «дуэлянтов», или, как в рассказе «Перед свадьбой», опосредовано, через диалоги с другими персонажами. Часто этот словесный поединок оказывается кульминацией рассказа, когда мотивация героев становится очевидной.

Вторая группа отцов — тираны, калечащие внутренний мир и жизнь своего ребенка [Базилевская: 6–15]. Их вариацией являются персонажи, способные срывать на домашних злость и плохое настроение. Часто эти рассказы связаны и с физическим насилием, которое Чехов категорически не принимал. Со слов В. И. Немировича-Данченко [Немирович-Данченко] известно высказывание писателя, что он никогда не мог простить отцу, что тот сек его в детстве. В обыденности физических наказаний, уничтожающих личное достоинство, Чехов видел одну из причин внутреннего рабства, приводящего к трагедиям. И. М. Иглицкая [Иглицкая: 263–270], в психоаналитическом ключе проанализировавшая рассказ «Смерть чиновника», приходит к выводу о подсознательном соперничестве писателя с Чеховым-старшим. Исследовательница считает, что вытесненные на многие годы гнев и обида на отца послужили причиной болезни Чехова.

Главный герой рассказа «Барыня» (1882) Степан Журкин по настоянию отца и старшего брата становится любовником богатой помещицы. Герой не принимает настойчивые «ухаживания» барыни, отказывается от денег. Отец и брат подталкивают его к супружеской неверности, рисуя перед ним материальные выгоды. В их сознании деньги оказываются важнее морали: «Бедному человеку ничего не грех» [Чехов С. 1: 258]. В качестве сильнейшего аргумента отец Степана прибегает к физическому насилию. Воля героя оказывается сломлена, и он становится любовником барыни, драматически переживая свое падение. Однако надеждам Максима Журкина на материальное благополучие сбыться не суждено. Не получив ни бесплатный лес, ни деньги, он срывает злость на невестке, выгоняет несчастную из дома. Для возвратившегося в деревню Степана родительский дом и образ отца «с цыганскими глазами» становятся воплощением зла, от которого им с Марьей надо бежать. Произведение заканчивается трагедией — герой в пьяном угаре случайно убивает горячо любимую жену. Драматизм ситуации усиливается беременностью Марьи — уничтоженный отцовским деспотизмом, Степан сам становится детоубийцей.

Опубликованный в журнале «Москва» рассказ современниками был прочитан как образец произведения на «деревенскую» тему, в то время достаточно популярную. Исследователи отмечают психологическую глубину и достоверность рассказа, отличающие произведение от типичных образцов жанра [Долотова, Опульская, Чудаков: 467–559]. Важнейшим представляется мотив повседневной жестокости, когда насилие — и психологическое, и физическое, осмысливается как норма, что неизбежно ведет к трагедии. В русской литературе одним из первых эту тему разработал Тургенев в «Записках охотника». О творческом диалоге Чехова с тургеневским циклом существует корпус работ [Бялый; Гришунин: 247–259], однако мотив повседневной, привычной жестокости еще не становился предметом исследовательского интереса. Чехов дорабатывает тургеневские открытия, в его произведениях жестокость царит не только в отношениях крестьян и помещиков, но и в семье, что гораздо страшнее. Ежедневное насилие приводит к трагедиям, оно же порождает духовное рабство, от которого потом так трудно избавиться.

В рассказе «О драме» (1884) беседующий с приятелем об искусстве Полуехтов прерывает разговор, чтобы буднично высечь племянника. Чехов последовательно усиливает драматизм ситуации. Сначала писатель указывает на возраст ребенка — это «маленький, краснощекий гимназист» [Чехов С. 3: 96]. Далее собеседник Полуехтова слышит умоляющий детский голос, потом визг, наконец, «душу раздирающий рев» [Чехов С. 3: 96]. По окончании экзекуции герой совершенно спокойно продолжает разговор. Он с душевным подъемом говорит о прекрасном. Особо следует подчеркнуть лексику Полуехтова. В речи героя слово «гуманность» встречается четыре раза (больше, чем любое семантически близкое), на нем сделан особый смысловой акцент — в конце заключительного монолога герой пьет за процветание искусства и гуманности. Слезы несчастного ребенка просто не идут в расчет, в сознании Полуехтова порка есть норма.

Прием противопоставления «прекрасного» и будничной жестокости использован Тургеневым в рассказе «Два помещика» (1852). Наслаждение прекрасным вечером противопоставлено ужасу героя, до которого доносятся звуки порки крепостного. Описание физического наказания у писателей совпадает — читатель не видит непосредственно избиения, но слышит его звуки. При этом виновников наказания

ничего не смущает, порка для них в порядке вещей. Произведения также сближает отношение к происходящему страдающей стороны. Чеховский гимназист после порки не забывает шаркнуть ножкой, буфетчик Вася искренне считает, что наказан «поделом» [Тургенев 3: 171]. Рассказ о наказании крепостного поразительно пересекается с рассказом об избииении ребенка — они оба для своих мучителей не совсем личности, вполне это осознают и спокойно принимают.

В рассказе «Отец семейства» (1885) Жилин срывает свое плохое настроение на домашних. В первую очередь страдает его сын Федя, «семилетний мальчик с бледным, болезненным лицом» [Чехов С. 4: 113]. Отец за обедом придирается к мальчику, переходит к прямым оскорблениям. Проснувшись на другое утро в хорошем настроении, Жилин не помнит вчерашней отвратительной сцены, тон его общения с ребенком кардинально меняется: «Ну иди, бутуз, поцелуй своего отца» [Чехов С. 4: 115]. Чехов очень четко отграничивает мир ребенка от мира взрослого — Жилин склонен к продолжительным монологам, носящим дидактический характер, Федя ни произносит ни слова, мы слышим лишь рыдания ребенка. Молчание мальчика играет важную роль для понимания его отношений с отцом. Ведущей эмоцией тут является страх. В финале произведения появляются значимые детали: при поцелуе у ребенка дрожат губы, Федя внимательно смотрит на появившегося в столовой отца, пытаясь угадать его настроение [Добин]. Чехов акцентирует внимание читателя на еще одной важной детали — бледности мальчика. Она упоминается дважды — при первом описании и в самом конце рассказа. М. П. Громов справедливо отметил, что финал акцентирует внимание читателя на внутреннем мире ребенка [Громов: 453–522]. Тогда как взрослые не замечают его страданий, читателю понятно, что мальчик живет в постоянном страхе очередного скандала или даже порки. При первой публикации рассказ назывался «Козлы отпущения (Посвящается молодым папашам)», позже Чехов сменил заглавие, сделав акцент на ответственности взрослых.

В рассказе есть автобиографическая деталь. Поводом к скандалу за обедом служит якобы пересолённый суп. В письме Чехова к брату Ал. П. Чехову читаем: «Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали <...> когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересолённого супа <...>» [Чехов: П. 3: 122]. Считать рассказ автобиографичным нельзя, но в нем, видимо, отражены стороны детско-родительских отноше-

ний, которые Чехов не принимал категорически. Это письмо к брату, написанное спустя четыре года после публикации рассказа, 2 января 1889 г. после визита писателя в дом родственников, почти буквально повторяет сюжет «Отца семейства». Манера поведения Жилина разительно похожа на то, что возмутило Чехова в семейном укладе брата. Он упрекает Ал. П. Чехова в деспотизме по отношению к домашним, отдельно упоминая детей: «Нельзя делать их игрушкой своего настроения: то нежно лобызать, то бешено топтать на них ногами» [Чехов: П. 3: 122]. Видимо, семейная модель, воспринятая в детстве и перенесенная во взрослую жизнь старшим братом, была точкой не проходящей душевной боли писателя.

Автобиографические мотивы можно найти и в рассказе «Отец» (1887). В цитированном письме брату Чехов также упоминает грубое обращение Павла Егоровича с супругой, в чем впоследствии тому пришлось горько раскаяться. Тема запоздалого и бесплодного раскаяния становится основой рассказа. Сюжет произведения строится вокруг постаревшего и опустившегося человека, который живет за счет детей. Из монолога старика читатель узнает, что в молодости он был семейным тираном, свел в могилу супругу, и теперь живет с «бабенцией», пьянствуя и проигрывая деньги. Дети же не только не отвернулись от отца, но поддерживают его материально, обращаются с ним подчеркнуто почтительно. В порыве раскаяния Мусатов называет их ангелами, а себя — их наказанием. В душе старика происходит борьба — он по-своему искренне любит детей, стыдится своего поведения, но сделать ничего не может. Ему не хватает душевной силы, чтобы порвать с пороками. Семейные роли меняются — теперь бремя материальной заботы и защиты берет на себя младшее поколение.

Третья группа чеховских отцов — любящие. Одним из первых произведений, изображающих теплое чувство, стал рассказ «День за городом» (1886), в 1887 г. написаны рассказы «Письмо», «Дома». В чеховедении 1886-1887 гг. традиционно считаются переломным периодом, временем, когда серьезно трансформируется чеховская поэтика [Чудаков] и рождается «оригинальный чеховский лирический рассказ» [Бердников: 30]. Трансформация коснулась и темы отцовства. Родительское чувство описывается как безусловная любовь. Меняется роль отца — это не сатирически изображенный «папенька» и не тиран. Любовь оказывается способна производить переворот в душе

персонажей, противопоставляется «воспитанию», которое мыслится как нотации или наказания. До некоторой степени эти мотивы могут быть соотнесены с тургеневским романом «Отцы и дети» — одним из любимейших текстов Чехова. Особо писателя привлекали «старички Базаровы» [Чехов: П. 5: 174]. Христианские мотивы, звучащие в эпилоге [Беляева: 7–14], были Чеховым прочитаны и творчески восприняты. Родительская любовь показана Тургеневым как нечто основополагающее, непреходящее. Подобным образом отцовское чувство описано и Чеховым, оно одинаково для героев его рассказов вне зависимости от положения в обществе, от нравственного облика, от интеллектуального уровня.

В рассказе «За городом» вечно пьяный сапожник Терентий становится опекуном и защитником двух нищих детей — Феклы и Данилки. Он выручает их из беды, объясняет, что такое гром, как устроен паровоз, рассказывает про птиц, насекомых, травы, приносит голодным детям хлеба. Мотив любви становится ведущим в рассказе: при виде Феклы на лице Терентия появляется улыбка «какая бывает на лицах людей, когда они видят перед собой что-нибудь <...> горячо любимое» [Чехов С. 5: 144], а когда он ночью крестит спящих детей и подкладывает им под головы хлеб «любовь не видит никто» [Чехов С. 5: 149]. Изображение теплых чувств связано с пейзажем: сапожника «видит» только луна, ласково заглядывающая в заброшенный сарай, где спят Фекла и Данилка. В финале рассказа явно звучат христианские мотивы — ясное ночное небо, небесные светила, заброшенный сарай, в котором мирно спят дети, могут быть прочитаны как аллюзия на рождественскую ночь. В таком случае крестящий их Терентий становится своеобразным воплощением Бога-Отца, любовь которого бережет маленьких сирот.

Христианские мотивы звучат и в рассказе «Письмо». Отец Анастасий, пьющий, «опутанный грехами» [Чехов С. 6: 155] старик, убеждает дьякона не посылать сыну сурового письма. Петр, по мнению отца, живет беспутной жизнью, и он с помощью церковного начальства составляет текст, имеющий целью пристыдить молодого человека. Задачу родителя дьякон видит именно в наставлении. Отец Анастасий призывает отца простить сына и не посылать «обидного» письма: «Ежели отец родной его не простит, то кто ж его простит?» [Чехов С. 6: 162]. Старик горячо говорит о любви и милосердии. Под воздействием ре-

чей отца Анастасия дьякон начинает сомневаться в правильности своего поступка, его гнев проходит. Теперь он с любовью и теплом думает о сыне. Дьякон решает все же отправить послание, но делает приписку о повседневных делах, вконец испортившую «строгое письмо». Финал рассказа открытый, читатель не узнает, будет ли послание отправлено. Однако продиктованная искренней любовью и испортившая строгость послания приписка уничтожает смысл его отправки.

Христианские мотивы заключены и в хронотопе рассказа, и в именах героев. Сюжет разворачивается накануне Светлого Христова Воскресенья, имя Анастасий происходит от греческого *anastas* — воскресший. Старик ощущает себя пропавшим, потерявшим «образ и подобие» и уже не рассчитывает на милосердие ни от людей, ни от Бога. Однако имя дает ему надежду на прощение и вечную жизнь. Имени дьякона мы не знаем, в тексте единожды упоминается его фамилия — Любимов. Фамилия говорящая — отеческое чувство оказывается сильнее воспитательного порыва.

Мотивы любви и внутренней трансформации родителя становятся ведущими и в рассказе «Дома». Гувернантка просит Евгения Петровича Быковского провести беседу о вреде курения с его сыном. Разговор, намечавшийся как строго дидактический, рождает в голове героя целый рой мыслей и сомнений. Диалог с сыном перемежается с внутренним монологом Быковского о воспитательных приемах. По ходу беседы отец пытается пустить все навыки педагога в дело, но понимает, что выходит «Совсем не то!» [Чехов С. 6: 100]. Хотя Быковский и приходит к выводу, что любовь «осложняет вопрос» [Чехов С. 6: 102], именно теплое чувство отца и сына сводит на нет всю дидактику. Ни строгого разговора, ни тем более наказания не получается. В поэтике Чехова особенную роль играет деталь. «Дома» — не исключение. Во время воспитательной беседы внимание читателя переключается на стопку бумаги на краю стола Быковского. Она нарезана специально для Сережи, так как мальчик любит рисовать за отцовским столом. Эта деталь становится характеристикой семейных отношений, читателю понятно, что Сережа частый гость в кабинете Быковского. Отец хорошо знает манеру рисования сына, например, что каждая буква у мальчика имеет свой цвет. После ухода Сережи Быковский продолжает внутренний монолог о педагогических приемах, но он улыбается — еще одна значимая деталь, показывающая истинное отношение героя к сыну.

Тема отцовской любви как катализатора внутренних изменений продолжается в рассказе «Именины» (1888). Его герой Петр Дмитриевич держит себя с окружающими небрежно-снисходительно. Он попал в неприятную историю на службе, но манера его общения не меняется, герой скрывает от всех свои чувства, не открываясь даже жене. Громадная перемена происходит в финале рассказа, когда жена героя теряет ребенка. Внезапно Петр Дмитриевич понимает, что ему не важны ни служебные дела, ни деньги, ни положение в обществе. У убитого горем героя вырывается только один вопрос: «Зачем мы не берегли нашего ребенка?» [Чехов С. 7: 198]. Здесь вновь важны детали — за время родов Петр Дмитриевич осунулся и похудел. Обычно ловкий в обращении, он не в силах подобрать слова, его душат рыдания. Мотив молчаливого рыдания, невысказанного горя объединяет чеховского героя с тургеневским Николаем Страховым, образ которого Чехов выделял особо [Чехов П. 5: 174]. У персонажей до некоторой степени сходны характеры и биографии — это светские люди, самолюбивые, любящие поразить собеседника резким замечанием. Они женаты на богатых женщинах, и своим образом жизни обязаны супругам. Но отцовская любовь убирает в них все наносное. Николай Страхов, провожая дочь за границу, перестает быть холодным светским человеком — это любящий отец, который боится не успеть к отъезду Елены и который не может говорить от подступивших рыданий. Героев объединяет горе потери ребенка, которое едва ли может быть выражено вербально.

В повести «Рассказ неизвестного человека» (1892) любовь к воспитаннице оказывается самым главным и глубоким чувством в жизни героя. Народолюбец, переживший горькое разочарование в своей деятельности, потерявший смысл жизни, в любви к ребенку он обретает «наконец, именно то, что <...> нужно было» [Чехов С. 8: 209]. В повести звучит надежда на «примирение и жизнь бесконечную» — герой «почти веровал», что после смерти он будет жить «в этих голубых глазках, в белокурых шелковых волосиках <...>» [Чехов. С. 8: 209]. И хотя финал повести открыт — герой уйдет из жизни неуспокоенным за судьбу Сони, отеческое чувство станет для него залогом надежды на вечную жизнь. В финале повести Чехов вступает в творческий диалог с романами Тургенева. Если с текстом «Отцов и детей» повесть объединяют христианские мотивы и понимание отцовской любви как непреходящего чувства («Тургенев взвешивает каждого героя на основании

его способности продолжать дело отцов: и прежде всего смысл преемственности, а не идея противостояния вложены в название романа» [Феномен: 399]), то с финалом «Накануне» — мотивы конца «маленькой игры жизни» [Тургенев 6: 299] и молчания, которым заканчиваются и тургеневский роман, и чеховская повесть.

Разнообразие типов отцов в прозе писателя 1880 – начала 1890-х гг. объясняется особенностями художественной антропологии Чехова — в его творчестве нет места схемам, классификациям, единой оценке. Для художественной картины мира Чехова характерно наблюдение бесконечного множества индивидуальных характеров. Он переосмысляет классические типы и ситуации, разработанные предшественниками, придавая им новое, глубоко индивидуальное звучание. Типологическая ситуация «отцы и дети» для Чехова также имеет множество вариантов. В генезисе образа отца явно прослеживаются творчески переработанные черты семьи Чеховых, сложное восприятие писателем родительской фигуры — П. Е. Чехова. Важным становится и творческий диалог с Тургеневым, чьи художественные открытия, от «Записок охотника» до романа «Отцы и дети», дают дополнительные возможности для прочтения прозы Чехова.

Список литературы

Источники

Немирович-Данченко В. И. Из прошлого. М.: Юрайт, 2025. 229 с.

Тургенев И. С. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–2018.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 18 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974–1983.

Исследования

Базилевская А. К. Тема детства в рассказах А. П. Чехова: этико-психологические аспекты // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 4 (82). С. 6–15.

Беляева И. А. «Отцы и дети» И. С. Тургенева: роман о «вечном примирении» // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 7–14.

Бердников Г. П. Чехов // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1983–1994. Т. 8. С. 29–42.

Бурнашева А. М. Роль и образ отца в произведениях А. П. Чехова воспитании семейных ценностей // Афанасьевские чтения. Инновации и традиции педагогической науки. Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. С. 52–54.

Бушканец Л. Е. А. П. Чехов и традиции европейского романа воспитания // Филология и культура. 2013. № 4 (34). С. 162–168.

Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. М.; Л.: Сов. писатель, 1962. 247 с.

Гамбург А. В. Концепт семья в рассказах А. П. Чехова // Университет XXI века. Тула: Тульский гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 2019. С. 203–205.

Гришунин А. Л. Чехов и «Записки охотника» // Контекст: литературно-теоретические исследования. М.: ИМЛИ РАН, 1989. С. 247–259.

Громов М. П. Примечания // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1976. Т. 4. С. 453–522.

Димитров Л. Без-отцовщина/без-материнство: поздние пьесы Чехова как цикл // Чехов в меняющемся мире: биография, комментирование, поэтика. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т, 2025. С. 225–233.

Добин Е. С. Сюжет и действительность. Искусство детали. М.: Сов. писатель, 1981. 432 с.

Долотова Л. М., Опульская Л. Д., Чудаков А. П. Примечания // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1975. Т. 2. С. 467–559.

Иглицкая И. М. Рассказ «Смерть чиновника» как сновидение или соперничество с отцом в творчестве и жизни А. П. Чехова: психоаналитический эскиз // Мир образования — образование в мире. 2016. № 2 (62). С. 263–270.

Касатикова А. А. Тема детства в творчестве А. П. Чехова // Новая наука: от идеи к результату. 2017. № 1–2. С. 52–54.

Катаев В. Б. Сложность простоты. Рассказы и пьесы Чехова. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: МГУ, 2002. 108 с.

Кеклюдже Н. Индивидуум и семья в рассказе А. П. Чехова «Ионыч» (к вопросу о трансформации романного начала) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 1. С. 68–75.

Кондрашова О. В, Шельдешова И. В. Речевые портреты старшего поколения Чеховых: дед, дядя, отец // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2022. № 12-2. С. 153–157.

Одесская М. М. Отец как внесценический персонаж в драматургии Ибсена, Стринберга, Чехова // Творчество Хенрика Ибсена в мировом культурном контексте. СПб.: Пушкинский дом, 2007. С. 144–156.

Рейфильд Д. Жизнь Антона Чехова. М.: Колибри, 2023. 896 с.

Роскина Н. А. Письма к Чехову от его отца П. Е. Чехова // Литературный музей А. П. Чехова. Ростов: Ростовское книжное изд-во, 1967. Вып. 4. С. 94–109.

Собенников А. С. «Чайка» А. П. Чехова в свете гендерной психологии и психоанализа. Отцы и дети // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 82–95. <https://doi.org/10.17223/18137083/74/6>

Соболев Ю. В. Чехов: статьи, материалы, библиография. М.: Федерация, 1930. 345 с.

Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / В. Г. Андреева, А. В. Гулин, Н. Л. Ермолаева. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2022. 512 с. <https://doi.org/10.34216/russian-epic-novel-2022>

Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с.

References

Bazilevskaia, A. K. “Tema detstva v rasskazakh A. P. Chekhova: etiko-psikhologicheskie aspekty” [“The Etheme of Childhood in Chekhov’s Stories: Ethical and Psychological Aspects”]. *Izvestiia Ural’skogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 2. Gumanitarnye nauki*, no. (82), 2010, pp. 6–15. (In Russ.)

Beliaeva, I. A. “‘Ottsy i deti’ I. S. Turgeneva: roman o ‘vechnom primirenii’.” [“‘Fathers and Children’ by I. S. Turgenev: A Novel About ‘Eternal Reconciliation.’”] *Filologicheskii klass*, no. 3 (49), 2017, pp. 7–14. (In Russ.)

Berdnikov, G. P. “Chekhov” [“Chekhov”]. *Istoriia vsemirnoi literatury: v 8 t. [History of World Literature: in 8 vols.]*, vol. 8. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 29–42. (In Russ.)

Burnasheva, A. M. “Rol’ i obraz ottsa v proizvedeniakh A. P. Chekhova vospitaniia semeinykh tsennosti” [“The Role and Image of the Father in the Works of Anton Chekhov on the Education of Family Values”]. *Afanas’evskie chteniia. Innovatsii i traditsii pedagogicheskoi nauki [Afanas’ev Readings: Innovations and Traditions of Pedagogical Science]*. Kirov, Interregional Center for Innovation Technologies in Education Publ., 2024, pp. 52–54. (In Russ.)

Bushkanets, L. E. “A. P. Chekhov i traditsii evropeiskogo romana vospitaniia” [“A. P. Chekhov and the Traditions of European Novel Education”]. *Filologiya i kul’tura*, no. 4 (34), 2013, pp. 162–168. (In Russ.)

Bialyi, G. A. *Turgenev i russkii realism* [Turgenev and Russian Realism]. Moscow, Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1962. 247 p. (In Russ.)

Gamburg, A. V. "Kontsept sem'ia v rasskazakh A. P. Chekhova" ["The Concept of Family in Chekhov's Stories"]. *Universitet XXI veka: nauchnoe izmerenie* [University of 21st Century: Scientific Dimension]. Tula, Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy Publ., 2019, pp. 203–205. (In Russ.)

Grishunin, A. L. "Chekhov i 'Zapiski okhotnika.'" ["Chekhov and 'The Hunter's Notes'."]. *Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovaniia* [Context: Literary and Theoretical Studies]. Moscow, IWL RAS Publ., 1989, pp. 247–259. (In Russ.)

Gromov, M. P. "Primechaniia" ["Notes"]. Chekhov, A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.], vol. 4. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 453–522. (In Russ.)

Dimitrov, L. "Bez-ottsovshchina / bez-materinstvo: pozdnie p'sy Chekhova kak tsikl" ["Fatherless / Motherless: Chekhov's Late Plays as a Cycle"]. *Chekhov v meniaiushchemsia mire: biografiia, kommentirovanie, poetika* [Chekhov in a Changing World: Biography, Commentary, and Poetics]. Velikii Novgorod, Novgorod State University Publ., 2023, pp. 225–233. (In Russ.)

Dobin, E. S. *Siuzhet i deistvitel'nost'. Iskusstvo detali* [Plot and Reality. The Art of Detail]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1981. 432 p. (In Russ.)

Dolotova, L. M., L. D. Opol'skaia, and A. P. Chudakov. "Primechaniia" ["Notes"]. Chekhov, A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters: in 30 vols.], vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 467–559. (In Russ.)

Iglitskaia, I. M. "Rasskaz 'Smert' chinovnika' kak snovidenie ili sopernichestvo s ottsom v tvorchestve i zhizni A. P. Chekhova: psikhoanaliticheskii eskiz" ["The Story 'The Death of an Official' as a Dream or Rivalry with his Father in the Work and Life of Anton Chekhov: a Psychoanalytic Essay"]. *Mir obrazovaniia — obrazovanie v mire*, no. 2 (62), 2016, pp. 263–270. (In Russ.)

Kasatkova, A. A. "Tema detstva v tvorchestve A. P. Chekhova" ["The Theme of Childhood in Chekhov's Work"]. *Novaia nauka: ot idei k rezul'tatu*, no. 1–2, 2017, pp. 52–54. (In Russ.)

Kataev, V. B. *Slozhnost' prostoty. Rasskazy i p'sy Chekhova. V pomoshch' prepodavateliam, starsheklassnikam i abiturientam* [The Complexity of Simplicity. Chekhov's Short Stories and Plays. To Help Teachers, High School Students, and Students]. Moscow, Moscow State University Publ., 2002. 108 p. (In Russ.)

Kekliudze, N. "Individuum i sem'ia v rasskaze A. P. Chekhova 'Ionich' (k voprosu o transformatsii romannogo nachala)" ["The Individual and the Family in Anton Chekhov's Short Story 'Ionich' (On the Question of the Transformation of the Novel's Beginning)"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serii: Russkaia filologiya*, no. 1, 2018, pp. 68–75. (In Russ.)

Kondrashova, O. V, and I. V. Shel'deshova, "Rechevy portretov starshego pokoleniia Chekhovykh: ded, diadia, otets" ["Speech Portraits of the Older Generation of Chekhov: Grandfather, Uncle, Father"]. *Sovremennaiia nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serii: gumanitarnye nauki*, no. 12-2, 2022, pp. 153–157. (In Russ.)

Odesskaia, M. M. "Otets kak vnestsennicheskii personazh v dramaturgii Ibsena, Strinberga, Chekhova" ["Father as an Off-stage Character in the Dramaturgy of Ibsen, Strinberg, Chekhov"]. *Tvorchestvo Khenrika Ibsena v mirovom kul'turnom kontekste* [The Works of Henrik Ibsen in the World Cultural Context]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2007, pp. 144–156. (In Russ.)

Reifil'd, D. *Zhizn' Antona Chekhova* [The Life of Anton Chekhov]. Moscow, KoLibri Publ., 2023. 896 p. (In Russ.)

Roskina, N. A. "Pis'ma k Chekhovu ot ego ottsa P. E. Chekhova" ["Letters to Chekhov from his Father P. E. Chekhov"]. *Literaturnyi muzei A. P. Chekhova* [The Literary Museum of A. P. Chekhov], issue 4. Rostov, Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1967, pp. 94–109. (In Russ.)

Sobennikov, A. S. "'Chaika' A. P. Chekhova v svete gendernoi psikhologii i psikhoanaliza. Ottsy i deti" ["Chekhov's 'The Seagull' in the Light of Gender Psychology and Psychoanalysis. Fathers and Children"]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 1. 2021, pp. 82–95. <https://doi.org/10.17223/18137083/74/6> (In Russ.)

Sobolev, Iu. V. *Chekhov: stat'i, materialy, bibliografiia* [Chekhov: Articles, Materials, Bibliography]. Moscow, Federatsiia Publ., 1930. 345 p. (In Russ.)

Andreeva, V. G., editor. *Fenomen epicheskogo romana v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoi, F. M. Dostoevskii* [The Phenomenon of the Epic Novel in Russian Literature of the Second Half of the 19th Century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2022. 512 p. <https://doi.org/10.34216/russian-epic-novel-2022> (In Russ.)

Chudakov, A. P. *Poetika Chekhova* [Chekhov's Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 291 p. (In Russ.)